

0112



ЦЕНТРПОЛИГРАФ

HARLEQUIN®

Люси Тордон

ОДНАЖДЫ НОЧЬЮ В ЛАС-ВЕГАСЕ



Подари себе мечту

ЛЮБОВНЫЙ РОМАН

Любовный роман – Harlequin

Люси Гордон

Однажды ночью в Лас-Вегасе

«Центрполиграф»

2011

Гордон Л.

Однажды ночью в Лас-Вегасе / Л. Гордон — «Центрполиграф»,
2011 — (Любовный роман – Harlequin)

Много лет назад, когда Лисандрос переживал тяжелейшую драму, он встретил молоденькую девушку, которая, словно ангел, вернула его к жизни, указала новый путь. И вот, спустя годы, на великосветском торжестве он узнает ее в красивой, роскошной женщине...

Содержание

Пролог	6
Глава 1	10
Глава 2	17
Глава 3	24
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Люси Гордон

Однажды ночью в Лас-Вегасе

Эта книга является художественным произведением. Имена, характеры, места действия вымышлены или творчески переосмыслены. Все аналогии с действительными персонажами или событиями случайны.

Охраняется законодательством РФ о защите интеллектуальных прав. Воспроизведение всей книги или любой ее части воспрещается без письменного разрешения издателя. Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

Пролог

Сверкающие огни Лас-Вегаса устремлялись в ночное небо. Далеко внизу в отелях и казино била ключом жизнь, но отель «Чертоги Афины» затмевал собой все. За шесть месяцев с момента открытия он превзошел своей пышностью всех конкурентов. Сегодняшняя свадьба кинозвезды Эстел Раднор, устроенная в его стенах, лишь подтверждала это.

Свадьба закончилась в казино, где невеста была запечатлена в разные моменты торжества: вот она выбрасывает кости, вот целует своего жениха, вот обнимает за плечи какую-то тоненькую неприметную девушку...

Владелец отеля, с удовлетворением наблюдая за всем этим, повернулся к молодому человеку, который со скептической улыбкой тоже следил за происходящим:

– Ахиллес, друг мой...

– Я уже просил тебя не называть меня так!

– Но твое имя принесло мне удачу. Твои толковые советы по поводу того, как сделать это место по-настоящему греческим...

– Ни одному из которых ты так и не последовал.

– Мои клиенты верят в то, что оно греческое, а это главное.

– Разумеется, главное – как это выглядит, что же еще? – пробормотал молодой человек.

– Что-то ты мрачен сегодня. Не в этой ли свадьбе дело? Завидуешь?

Ахиллес резко повернулся к нему и словно взорвался:

– Не говори ерунды! Все, что я чувствую, – это скука и отвращение.

– Тебе не повезло?

Ахиллес пожал плечами:

– Я потерял миллион. До утра, вероятно, потеряю еще один. Ну и что?

– Иди присоединись к гостям.

– Меня никто не приглашал.

– Неужели ты считаешь, что они отвергнут сына богатейшего человека Греции?

– У них просто не будет такого шанса. Оставь меня и возвращайся к своим гостям.

И он ушел. Худощавую одинокую фигуру сопровождали две пары глаз: одна принадлежала мужчине, которого он только что оставил, вторая – молоденькой девушке, которую только что обнимала красавица невеста. Стараясь держаться незаметно, девушка подошла к лифту и поднялась на пятьдесят второй этаж, откуда могла полюбоваться панорамой города. И стены и пол здесь были сделаны из толстого стекла, что позволяло посетителям обозревать панораму. Выступ снаружи, как она подозревала, был предназначен для рабочих и мойщиков окон, обычные гости отеля не могли туда попасть, если, конечно, не знали кода запирающего устройства.

Девушка словно замороженная смотрела вниз, когда, привлеченная легким шумом, резко обернулась и увидела того самого молодого человека, которого заметила внизу. Оставаясь незамеченной, она наблюдала за тем, как он остановился неподалеку и смотрел вниз с высоты тысячи футов на ослепительный мир, простирающийся внизу.

Его лицо было освещено снизу переливающимися огнями – тонкое лицо очень молодого человека, почти мальчика, но при этом с налетом усталости, если не сказать – отчаяния.

И тут молодой человек сделал нечто такое, от чего она пришла в ужас. Он протянул руку к запирающему устройству и набрал код. Стеклопанель отодвинулась, и теперь между ним и бездной не осталось ничего, кроме воздуха...

Петра так громко ахнула, что он резко повернул голову.

– Что вы тут делаете? – раздраженно спросил молодой человек. – Шпионите за мной?

– Конечно нет! Идите обратно, пожалуйста, – умоляюще сказала она. – Не делайте этого.

Он сделал шаг назад, на сравнительно безопасную территорию, но остался стоять возле просвета.

– Что, черт возьми, вы имеете в виду, говоря «Не делайте этого»? – сердито спросил он. – Я не собирался ничего *делать*. Я хотел вдохнуть немного свежего воздуха.

– Но это опасно! Вы могли случайно упасть.

– Я знаю, что делаю. Уходите и оставьте меня в покое.

– Нет, – заявила она решительно. – Я имею такое же право дышать свежим воздухом, как и вы. Красиво там внизу?

– Что?

Совершенно неожиданно она проскользнула мимо него и вышла на выступ. Ветер немедленно с такой силой налетел на нее, что ему пришлось ее схватить.

– Глупая женщина! – закричал он. – Несчастный случай может произойти не только со мной. Вы что, хотите умереть?

– А вы?

– Идите обратно!

Он втащил ее внутрь и на мгновение удивленно замер, разглядев ее лицо.

– Не вас ли я видел там, внизу?

– Да. Я была в «Комнате Зевса», – сказала она, имея в виду казино. – Мне нравится наблюдать за игроками. Этому месту дали очень удачное название.

– Вы знаете, кто такой Зевс? – спросил он и подвел ее туда, где они могли присесть.

– Зевс был верховным греческим богом, – сказала она, – смотрел на мир с вершины Олимпа и был владыкой богов и людей. Видимо, таковыми чувствуют себя игроки, приступая к игре, но вскоре все оборачивается для этих бедных идиотов совсем по-другому. Вы много проиграли?

Он пожал плечами:

– Миллион. В какой-то момент я перестал считать. А вы-то, кстати, что делали в казино? Вам не дашь больше пятнадцати.

– Мне семнадцать, и я... вхожу в число гостей на этой свадьбе.

– Точно, – сказал он, похоже не заметив, как она запнулась. – Я же видел, как она обнимала вас перед камерой. Вы – подружка невесты?

Девушка усмехнулась.

– Неужели я похожа на подружку невесты? – спросила она, показывая на свое платье, явно дорогое, но отнюдь не гламурное.

– Ну...

– Нет, я не отношусь к тем, кто постоянно маячит перед камерами.

Она сказала это без всякого намека на сожаление, и это понравилось ему. Приглядевшись к ней повнимательнее, он заметил, что девушка совершенно не пользуется косметикой, носит удобную короткую стрижку.

– И вас зовут... – поинтересовался он.

– Петра. А вы – Ахиллес. Нет? – добавила она, увидев, что он нахмурился.

– Мое имя Лисандрос Димитриу. Мама хотела назвать меня Ахиллесом, но мой отец нашел, что в ней говорит сентиментальность. В конце концов они пришли к компромиссу, и Ахиллес стало моим вторым именем.

– Но тот человек внизу называл вас именно так!

– Для него важно, что я грек, потому что этот отель построен с претензией на греческий стиль.

К его удовольствию, она рассмеялась:

– Какие они все ненормальные!

Они внимательно смотрели друг на друга. Он оказался таким же красивым, как ей и показалось вначале. Тонкие черты лица и гордая осанка – человек, идущий своим путем. Но ощущалась в нем также и какая-то странная мрачная напряженность. Молодые люди в Лас-Вегасе держались группками, этот же оберегал свое одиночество, словно находился во враждебном ему мире. Но что-то все же привело его в это место, полное опасности?

– Судостроительная компания Димитрию?

– Она самая.

– Самая могущественная компания в Греции, – произнесла девушка, словно заученный урок. – То, чего они не хотят иметь, не имеет смысла иметь никому. То, что они не приобрели сегодня, приобретут завтра. Если кто-то посмеет отказать им, они будут ждать до тех пор, пока не наступит подходящий момент.

Он хмыкнул:

– Что-то вроде этого.

– Или вы просто натравите на них фурий? – Петра имела в виду трех греческих богинь мщения со змеями вместо волос и налитыми кровью глазами, которые безжалостно расправлялись со своими жертвами.

– Вы склонны к мелодраматизму? – спросил он.

– В этом месте с претензией на греческое не могу удержаться. А почему вы не в Афинах и не перемалываете своих врагов в пыль?

– Я со всем этим уже покончил, – сказал он жестко. – Теперь могут обойтись и без меня.

– А, вот что вас задело! – хмыкнула Петра. – Послушайте одну историю. Во время Троянской войны Ахиллес любил одну девушку. Она была из стана его врагов и была его пленницей, но его заставили отказаться от нее, и тогда он покинул поле боя и ушел, обиженный, в свой шатер. Но в конце концов вышел и снова вступил в борьбу. Только все закончилось его гибелью... Как могло закончиться и для вас... на том выступе.

– Я уже говорил вам, что не собираюсь умирать... Хотя, честно говоря, мне не важно, что произойдет. Я приму любой вариант.

– Она сделала что-то очень жестокое? – осторожно спросила Петра.

В полумраке она не могла разглядеть взгляд, направленный на нее, но почувствовала, что взгляд этот был ужасным. Его глаза блеснули холодным огнем, предупреждая, что она ступила на святую землю.

– Она? – повторил он тоном, который не сулил ничего хорошего.

Девушка нежно дотронулась до его руки и прошептала:

– Простите. Мне не следовало говорить это?

Он резко поднялся, снова подошел к проему в стеклянной стене и остановился, пристально всматриваясь в ночь. Петра осторожно последовала за ним.

– Я считал, что могу доверять ей, – прошептал он.

– Иногда надо доверять, – согласилась Петра.

– Нет, – решительно сказал он. – Люди не могут быть такими хорошими, какими вы их себе представляете. Рано или поздно, но правда выплывет наружу. И чем больше вы доверяете кому-то, тем ужасней будет момент, когда вас предадут. Уж лучше не питать никаких иллюзий и быть сильным.

– Но это же ужасно – никогда не верить ни во что, никогда не любить и не надеяться, никогда не испытывать настоящего счастья...

– Никогда не быть несчастным, – жестко добавил он.

– Никогда не жить по-настоящему, – тут же возразила она. – Это все равно что похоронить себя заживо, разве вы не видите? Вы бы избежали страданий, но лишились бы всего того, из-за чего стоит жить.

– Да что вы знаете о жизни? – сказал он сердито. – Вы еще ребенок. Разве кто-то вызывал в вас когда-нибудь желание все сокрушить, не оставив ничего живого... включая саму себя?

– Но чего достигнешь, разрушив свою душу? – спросила она строго.

– Я скажу чего. Вы не станете... такой. – Он ткнул пальцем в свое сердце.

Ей не надо было спрашивать, что он имел в виду. Он, такой молодой, ходил по краю пропасти, и достаточно было небольшого усилия, чтобы столкнуть его туда. Поэтому он и решил стоять здесь, провоцируя судьбу. Хотел, чтобы она это сделала?

Жалость и ужас переполняли Петру. С одной стороны, ей хотелось убежать как можно дальше, а с другой – остаться и спасти его.

Неожиданно, без всякого предупреждения, он сделал нечто одновременно ужасное и прекрасное. Опустив голову, он положил ее на плечо Петры, потом поднял, потом снова опустил, и так снова и снова. Человек словно бился головой о кирпичную стену, безнадежно и методично...

Оторопев, она обвила его руками и начала гладить по голове, чтобы успокоить. В своем отчаянии он искал утешения у нее. Ей была видна бездна за его спиной, и никакой преграды между ним и этой бездной не было. Ничто не могло защитить его, кроме нее. Она крепко прижала его к себе. Он не сопротивлялся, но теперь его голова неподвижно покоилась на ее плече, словно силы полностью оставили его.

Когда Петра смогла вновь взглянуть ему в лицо, она увидела, что страдальческое выражение уступило место печали и смирению, словно он обрел некий, хотя и временный покой.

Наконец Лисандрос слабо улыбнулся ей. Существовало еще добро в этом мире. Оно было здесь, воплощенное в этой девушке, слишком наивной, чтобы понять опасность, которой она подвергала себя просто оттого, что была здесь, с ним. Когда-нибудь она станет такой же угрюмой и испорченной, как и все остальные...

Но не сегодня. Он не допустит этого!

Он набрал код, и стеклянная панель задвинулась.

– Пойдемте, – сказал Лисандрос, уводя Петру с крыши вниз, в отель.

Когда они подошли к двери ее номера, он сказал:

– Идите к себе, ложитесь и не открывайте дверь никому.

– А что собираетесь делать вы?

– Собираюсь проиграть еще больше. А потом – кое о чем подумать.

– Спокойной ночи, Ахиллес.

– Спокойной ночи.

Повинуясь какому-то импульсу, он наклонился и нежно поцеловал ее в губы.

– Входите, – сказал он. – И закройте свою дверь. Она кивнула и вошла. Через мгновение он услышал поворот ключа в замочной скважине.

Лисандрос возвратился к игорным столам, смирившись с мыслью о новых проигрышах, но каким-то мистическим образом удача снова вернулась к нему. В течение часа он вернул все свои деньги до последнего цента. А еще через час удвоил их.

Эта девушка оказалась для него талисманом. Она была послана, чтобы изменить его судьбу. Он надеялся, что в свою очередь сделал что-то и для нее, о чем, вероятно, никогда не узнает. Ведь они никогда больше не встретятся.

Он ошибся: они встретились снова. Но только через пятнадцать лет.

Глава 1

Вилла Димитриу находилась на окраине Афин, на холме, откуда хозяева всегда могли обозревать свои владения.

Недавно у виллы появился соперник – здание, повторяющее облик Парфенона, воздвигнутое Гомером Лукасом, единственным человеком в Греции, который рискнул соперничать как с семьей Димитриу, так и с древними богами, которые покровительствовали Парфенону. Но Гомер был влюблен и, разумеется, хотел поразить свою невесту в день их свадьбы.

В то весеннее утро Лисандрос Димитриу стоял на пороге своей виллы, устремив взгляд на Афины. Он был раздражен тем, что ему придется терять время на свадьбе, когда у него масса по-настоящему важных дел.

Обернувшись на звук за своей спиной, он увидел Ставроса, старинного друга своего покойного отца.

– Еду на свадьбу, – сказал он. – Заехал, чтобы узнать, не надо ли подвезти тебя.

– Спасибо, это было бы очень кстати, – кивнул Лисандрос. – Если я приеду рано, тогда и мой ранний уход не станет слишком большим оскорблением.

Ставрос хмыкнул:

– Ты не слишком жалуешь свадьбу.

– А это не свадьба, это презентация, – с сарказмом ответил Лисандрос. – Гомер Лукас обзаводится женой-кинозвездой и щеголяет ею перед всем миром. И этот же самый мир будет лицемерно желать ему всех благ, а за его спиной – поносить. Мое личное пожелание ему – чтобы Эстел Раднор оставила его с носом. Что так или иначе она и сделает. Кстати, а для чего ей понадобилось приезжать в Афины? Почему бы не справить свадьбу в том псевдогреческом отеле, как раньше?

– Потому что имя Гомер Лукас – синоним греческого судостроения, – сказал Ставрос и быстро добавил: – Не считая твоего, конечно. Я думаю, что это может быть настоящий брак по любви.

Лисандрос поднял брови:

– Настоящий? Сколько раз она выходила замуж? Шесть, семь?

– Тебе виднее. Разве ты не был гостем на одной из ее свадеб?

– Я не был гостем. Просто случайно оказался в том отеле Лас-Вегаса, где эта свадьба проходила, а на следующий день возвратился в Грецию.

– Да. Помню. Твой отец был очень этим доволен... но заинтригован. Кажется, ты сказал ему, что не хочешь больше иметь дело с каким бы то ни было бизнесом. Никогда. Ты где-то пропал два года, а потом неожиданно, как гром среди ясного неба, вдруг появился и заявил, что готов приступить к работе. Отец даже боялся, что тебе это не удастся сделать после... ну... – Ставрос замолчал, увидев, как помрачнело лицо Лисандроса.

– Довольно, – сказал тот спокойным голосом, более пугающим, чем крик. – Это было давно. С прошлым покончено.

– Да. Вот и твой отец сказал, что все его страхи оказались беспочвенными, потому что ты возвратился совсем другим человеком. Внушающим ужас задирой. Он был так горд!

– Будем надеяться, что я внушу ужас и Гомеру Лукасу. В противном случае это будет означать, что я теряю свою квалификацию.

– Возможно, тебе следует опасаться его, – сказал Ставрос. – Именно такие заявления он делает с тех пор, как ты нагрел семейство Лукас на миллиарды. *Украл* миллиарды, как он говорит.

– Я ничего у него не украл, а просто предложил клиенту более выгодную сделку, – спокойно ответил Лисандрос.

– Но это случилось в последнюю минуту, – напомнил ему Ставрос. – Они уже все собрались, чтобы подписать контракт, и клиент буквально занес ручку над бумагами, когда зазвонил его телефон, и это был ты. Ты познакомил его с информацией, которую тебе удалось получить только «недостойными методами».

– Не более недостойными, чем остальные, – заявил Лисандрос, пожав плечами.

– Дело было сделано, – подытожил Ставрос. – Этот человек положил ручку, аннулировал сделку и сразу сел к тебе в машину, которая ждала у входа. Ходят слухи, что именно тогда Гомер пообещал богам Олимпа роскошное пожертвование, если они покарают тебя.

– Но пока меня не покарали, так что, возможно, боги его не услышали.

– Ты пойдешь один? – сменил тему Ставрос.

Лисандрос ответил уклончиво. Бывая по обязанности на свадьбах, он никогда не появлялся там с одной и той же женщиной. Это вызвало бы слишком большой интерес прессы и ввело бы в заблуждение саму женщину.

– Хорошо, тогда пошли, – сказал Ставрос.

– Боюсь, что присоединюсь к тебе позже.

– Но ты только что сказал, что поедешь со мной...

– Сказал, но тут вспомнил, что сначала должен кое-что сделать. До свидания.

Ставрос не решился возражать. Его машина ждала внизу. На заднем сиденье сидела его жена, которая отказалась подняться вместе с ним – она не любила этот безотрадный дом, который, похоже, прекрасно устраивал Лисандроса.

– Как он может жить в таком огромном безмолвном месте без семьи, с одними только слугами? – спрашивала она. – Меня дрожь пробирает. А почему он передумал ехать с нами?

– По моей вине. Я сдуру упомянул прошлое, и он словно застыл. Есть что-то жутковатое в том, как Лисандрос вычеркивает из своей памяти то время, словно его никогда не было... При этом оно не уходит из его жизни, управляет всем, что он делает. Вот и сейчас. Согласившись было, через минуту он постарался отделаться от меня как можно скорее. Да и со свадьбы Лисандрос хочет сбежать пораньше. Вероятно, его ждет какая-то бабенка.

– Если ты имеешь в виду... – она произнесла имя, – то она не *какая-то бабенка*. Ее муж – один из влиятельнейших людей в...

– Что только делает ее элитной шлюхой! – перебил жену Ставрос. – Она сейчас держит дистанцию, потому что до ее мужа дошли слухи.

– Ой, брось! Он знал об их связи всегда! – цинично заявила его жена. – В этом городе всегда найдутся мужья, которые не возражают, чтобы их жены спали с Лисандросом.

Ставрос кивнул:

– Да, но я думаю, что сам Лисандрос намекнул ее мужу, чтобы тот обуздал ее.

– О чем ты говоришь! Уверена, что даже Лисандрос не способен на такую безжалостность...

– Еще как способен! – решительно заявил Ставрос.

* * *

Лисандрос стоял у окна, пока машина Ставроса не исчезла за воротами. Их разговор взволновал его, и надо было быстро успокоиться. К счастью, раздался тревожный звонок его менеджера из порта Пирей, который сообщил о возникших проблемах. Лисандрос отдал ему ряд коротких распоряжений и обещал заехать в порт на следующий день.

Сегодня он будет почетным гостем на свадьбе Гомера Лукаса. Он пожмет руку своему конкуренту, окажет уважение невесте, а многочисленные зрители разочарованно вздохнут, увидев, что они не вцепляются друг другу в глотку.

В его голове прозвучал совет отца: «Никогда не давай им понять, о чем ты думаешь». Он хорошо усвоил этот совет и, следуя ему, с улыбкой скроет переполняющую его ненависть.

Водитель повез его на виллу Лукаса. «Парфенон» Гомера, в котором состоится свадьба, Лисандрос увидел издалека. Неясно вырисовывающееся, устремленное ввысь строение свидетельствовало о том, что это была резиденция богатого и влиятельного человека.

«Подделка, – мрачно подумал Лисандрос. – Не более достоверная, чем та греческая декорация, что в Лас-Вегасе».

Он мысленно вернулся в то время, когда чувствовал себя в другом мире, и в его памяти возникла худенькая девушка на крыше отеля, неподдельная наивность которой одновременно раздражала и восхитила его. Он вспомнил тот последний момент, когда она распахнула ему свои объятия, предложив утешение, которого он не мог найти нигде в мире, и он почти...

Лисандрос заставил свою память отключиться. Это был единственный способ справиться со слабостью.

Интересно, как она попала на ту свадебную вечеринку? Вероятно, была дочерью одного из бесчисленных секретарей Эстел Раднор. Она может оказаться здесь и сегодня, но, наверное, лучше бы им не встречаться снова после стольких лет. Время никогда никого не щадит. Годы могли превратить ее в скучную наседку с несколькими детьми и безликим мужем. Да и его самого время не украсило.

Выйдя из машины, Лисандрос огляделся и должен был признать, что Гомер очень толково потратил деньги. Великий храм в честь богини Афины был воссоздан во многом так, как выглядел оригинал. Крышу здания поддерживали элегантные колонны, но самым выдающимся была статуя Афины, лицо которой загадочным образом превратилось в лицо Эстел Раднор.

Лисандрос поморщился, не зная, как скоро сможет вежливо откланяться.

Зазвонил его мобильный. Пришло сообщение:

«Я сожалею о том, что сказала. Я была расстроена. Мне показалось, что ты отстраняешься в тот момент, когда мы становимся такими близкими. Пожалуйста, позвони мне».

Он немедленно ответил:

«Не надо ни о чем сожалеть. Ты была права, разорвав отношения. Прости меня за то, что расстроил тебя».

Лисандрос надеялся, что на этом все кончилось, но через какое-то время пришло следующее сообщение:

«Я не хочу разрывать отношения. Я наговорила лишнего. Мы увидимся на этой свадьбе? Мы могли бы поговорить там».

Он ответил:

«Мы всегда знали, что это не может продолжаться. Мы не сможем поговорить. Я не хочу делать тебя объектом слухов».

Ответ пришел незамедлительно:

«Мне плевать на слухи! Я люблю тебя».

Его ответ был краток:

«Пожалуйста, прими мои добрые пожелания на будущее. Убедись, что ты стерла сообщения на своем телефоне. Прощай».

После этого он отключил телефон. Совсем. Заставить замолчать аппарат было легко. Отключить сердце и мозги – вот где требовалось мастерство, но он оттачивал его до совершенства до тех пор, пока оно не смогло обезопасить его от всех представительниц женского пола.

Кроме разве что одной. Но он никогда больше не встретит ее. Если, конечно, ему очень не повезет.

Или очень повезет.

* * *

– Ты выглядишь восхитительно!

Петра усмехнулась, услышав пылкий комплимент от Никатора Лукаса:

– Спасибо, дорогой братишка.

– Не называй меня так. Я тебе не брат.

– Станешь через несколько часов, когда твой отец женится на моей матери.

– Стану твоим *сводным* братом. Мы не будем кровными родственниками, и я смогу приударить за тобой, если захочу.

– Ну нет! Ты станешь мне братом, о котором я всегда мечтала. Моим маленьким братишкой.

– Маленьким? Еще чего! Я старше тебя.

Это было правдой. Никатору было тридцать семь, а ей тридцать два, но было в нем что-то детское. Не только мальчишеский облик, но и затянувшаяся инфантильность, от которой, вероятно, ему так и не удастся избавиться.

Он бы очень нравился Петре, если бы не его неизвестно откуда бравшиеся приступы черной меланхолии, которые, правда, быстро проходили. А сам Никатор просто обожал Петру. Худоба, которая была свойственна ей в подростковом возрасте, исчезла. Она расцвела, сохранив при этом свое природное изящество.

Петра не была красавицей, но обладала чем-то более важным – обаянием и привлекательностью. Во всяком случае, в понимании кинематографических друзей ее матери. Она отличалась живостью, умом и чувством юмора.

Чтобы отвести от себя внимание Никатора, она перевела разговор на Дебру, молодую восходящую звезду, которая должна была сопровождать его.

– Вы прекрасно смотрите вместе, – сказала она. – Все будут говорить, что тебе очень повезло.

– Я бы предпочел пойти с тобой, – вздохнул он.

– Ой, перестань! После всех усилий, которые приложила Эстел, чтобы познакомить тебя с ней, ты должен быть благодарен.

– Дебра шикарная, – согласился он. – Димитриу и не снилась такая.

– Димитриу? Ты имеешь в виду Лисандроса Димитриу? – переспросила Петра. – Того самого Лисандроса Димитриу?!

– А что, он такая уж важная персона?

– Безусловно. Разве он...

– Это не важно. Вероятно, он будет без женщины.

– Я слышала, что Лисандрос пользуется популярностью у женщин.

– Это правда. Но он никогда не появляется с женщинами на публике. Слишком обременительно. Меняет их как перчатки. Должен тебе сказать, что половина присутствующих сегодня здесь женщин побывала в его постели.

– Да ты ненавидишь его! – удивленно подытожила Петра.

– Просто несколько лет назад Димитриу встречался с девушкой из нашей семьи, но плохо обошелся с ней...

– А именно?

– Я не знаю деталей. Никто не знает.

– Так, может быть, это она плохо обошлась с ним? – предположила Петра.

Он сердито взглянул на нее:

– С чего ты взяла?

– Сама не знаю. – Петра неожиданно смутилась. Внутренний голос что-то таинственно нашептывал ей, но она не могла разобрать. Это что-то было связано с давними временами и преследовало ее всю жизнь...

– Она исчезла, а потом мы узнали, что ее нет в живых, – продолжал Никатор. – Это было давно, но Лисандрос уже тогда знал, как наносить удар. Будь осторожна. Если он узнает, что ты связана с нашей семьей, он попытается совратить тебя – только для того, чтобы показать нам, что он это может.

– «Совратить»? – повторила она весело. – За кого ты меня принимаешь? За беспомощную старую деву? Вращаясь столько лет в мире кино, я научилась быть достаточно циничной. Уверю тебя, я и сама могу «совратить» кого угодно.

Он развел руками:

– Ну, в таком случае...

– Давай иди, – сказала она ему твердо. – Тебе пора идти за Деброй.

И Никатор умчался. Некоторые стороны характера Никки пугали, но Петра не хотела думать об этом сейчас.

Этот день должен был стать счастливым.

Петра проверила свою камеру. Сегодня здесь будет целая армия профессиональных фотографов, но Эстел, как она всегда называла свою мать, попросила ее сделать несколько душевных семейных снимков.

Петра последний раз взглянула на себя в зеркало и нахмурилась. Как сказал Никатор, она выглядела восхитительно, но дочь Эстел не должна была так выглядеть сегодня. Только невеста должна быть в центре всеобщего внимания.

– Что-нибудь немного более сдержанное, я думаю, – пробормотала Петра.

Она выбрала более темное, более скромное платье. Потом забрала свои роскошные волосы в строгий пучок и снова внимательно посмотрела на себя:

– Уже лучше. Теперь никто и не посмотрит на меня.

Невеста уже поселилась в большом особняке и теперь занимала апартаменты, предназначенные для хозяйки дома. Петра заторопилась, чтобы сказать ей последние напутственные слова перед началом церемонии.

И тут все пошло наперекосяк.

Эстел вскрикнула, увидев дочь:

– Дорогая, как тебе пришло в голову одеться так? Ты похожа на гувернантку Викторианской эпохи.

Петра, привыкшая к бесперемонности своей матери, не посчитала это оскорблением.

– Я решила одеться попроще. Это на тебя все будут смотреть, а ты выглядишь совершенно потрясающе. Ты будешь самой красивой невестой всех времен!

– Но люди знают, что ты *моя* дочь, – простила Эстел. – Если ты будешь выглядеть женщиной среднего возраста, что скажут обо *мне*?

– Может, тебе сделать вид, что я не твоя дочь? – сострила Петра.

– Не шути так. Ты должна выглядеть юной и наивной. Подумай о моем имидже!

– Извини. Мне пойти переодеться?

– Да, только быстро. И распусти волосы.

– Хорошо. Я переоденусь. Приятного дня!

Выйдя из комнаты, Петра улыбнулась. Слава богу, что ей было присуще чувство юмора.

Вернувшись к себе, она снова переоделась. Опять в то элегантное голубое шелковое платье, в котором была раньше, и распустила волосы, которые роскошной волной упали ей на плечи. Потом она спустилась вниз, где уже собирались гости. Петра здоровалась со всеми, улыбалась и говорила нужные слова, но мыслями была далеко... Она пристально разглядывала мужчин, пытаясь увидеть Лисандроса Димитриу.

То короткое время, которое они провели вместе много лет назад, теперь казалось ей каким-то сном, но она всегда интересовалась Лисандросом. Следила за его карьерой, насколько могла, ловила редкие детали его жизни, просачивающиеся наружу. Он не был женат и с тех пор, как после смерти своего отца стал главой Судостроительной компании Димитриу, жил один. Это было все, что дозволено знать миру.

Время от времени Петре попадался на глаза какой-нибудь снимок, на котором она узнавала того человека, которого встретила в Лас-Вегасе. На этих снимках лицо его выглядело грозным, но в ее памяти всплывало другое лицо – лицо наивного, лишившегося иллюзий, молодого влюбленного человека, протонавшего: «Я считал, что могу доверять ей», словно это было самое большое преступление в мире.

Недавние снимки показывали мужчину, рано ставшего суровым. Было трудно поверить, что это тот самый человек, который прильнул к ней на той высокой крыше, ища спасения не от физической опасности, которую добровольно искал, а от демонов, воюющих в его голове. К чему привело его тогдашнее отчаяние? Не поддался ли он желанию разрушить все, в том числе свое сердце? Что бы он сказал, если бы они встретились сейчас?

Петра не была непорочной девушкой, не была и недотрогой. За прошедшие с тех пор годы она успела побывать замужем, развестись и сполна наслаждалась мужской компанией. Но та встреча, короткая, но пугающе яркая, жила в ее памяти, сердце и чувствах.

Мысль о новой встрече с Лисандросом Димитриу возбуждала ее любопытство и вызывала странное волнение.

И тут она увидела его.

Наблюдая за приближающимися гостями, даже среди толпы она легко узнала его, но не потому, что он был выше большинства мужчин. Дело было в той самой исходящей от него значительности, которая поразила Петру с самого начала.

Юноша за прошедшие годы превратился в красивого мужчину. Строгие черты его лица, полные гордости и холодности, могли привлечь к себе взгляды где угодно. В Лас-Вегасе она видела его при скудном освещении. Теперь разглядела, что глаза Лисандроса были темными и глубоко посаженными.

Никатор говорил, что с ним не будет женщины, и это оказалось правдой. Лисандрос Димитриу шел один, производя впечатление человека, к которому никто не смел приблизиться. Время от времени кто-то пытался привлечь его внимание. Он отвечал коротко и шел дальше.

В Петре заговорил фотограф. Она решила, что это человек, достойный того, чтобы его снимать. А если поначалу это и вызовет его недовольство, он, безусловно, простит ее ради их старого знакомства.

Она щелкала фотоаппаратом – кадр за кадром, потом с улыбкой стала приближаться к нему, пока не оказалась рядом. Он поднял глаза, заметил камеру и нахмурился:

– Уберите это!

– Но...

– И уйдите с глаз моих!

Прежде чем она успела что-то сказать, он прошел мимо. Петра осталась одна, ее улыбка померкла, когда она поняла, что он смотрел словно сквозь нее. Не узнал?

Ей ничего не оставалось делать, как пойти вместе с толпой и занять свое место в храме.

Она попыталась рассуждать здраво. Итак, он не узнал ее! Ну и что из этого? Прошло много времени, и она очень изменилась. Зато можно выбросить из головы все фантазии о возможности общих воспоминаний и, воспользовавшись случаем, немного подразнить.

Да, это было бы здорово. Шуткой наказать его!

Заиграла музыка. Вошла невеста в великолепном платье из желтовато-коричневого атласа. Ей невозможно было дать даже приближенно ее пятьдесят лет.

Петра присоединилась к другим фотографам и забыла обо всем, кроме дела, которым должна была заниматься. Эта способность всегда помогала ей в трудную минуту.

* * *

Лисандрос сидел в первом ряду. Нахмурившись, он посмотрел на Петру, словно пытаясь что-то вспомнить, потом переключил все внимание на церемонию.

Клятвы были произнесены на греческом. Невеста хорошо выучила свою роль, но в одном месте запнулась. Петра быстро подошла к ней, прошептала что-то по-гречески и отступила на шаг. Видевший это Лисандрос снова нахмурился.

Жених и невеста медленно пошли к выходу, улыбаясь присутствующим, – двое богатых, влиятельных людей, радовавшихся тому, что обрели друг друга. Гости начали покидать храм.

– Лисандрос, друг мой, как я рад тебя видеть!

Он повернулся и увидел Никатора, который шел к нему с распростертыми объятиями, словно приветствовал давно потерянного друга.

Изобразив улыбку, Лисандрос ответил на приветствие. Никатор цветисто представил свою спутницу, Дебру Фэрли. Лисандрос сделал вид, что это произвело на него впечатление, после чего пара удалилась.

Лисандрос с облегчением вздохнул.

Легкий смешок заставил его обернуться. Он увидел смеющуюся молодую женщину с роскошными светлыми волосами. И вдруг Лисандрос почувствовал, что его охватывает какое-то непонятное чувство – непостижимая комбинация удовольствия и боли, словно земля изменила ось вращения и мир уже никогда не станет прежним...

Глава 2

Женщина заговорила по-гречески:

– Вы сделали это очень убедительно. Вы заслуживаете «Оскара».

Он ответил на том же языке:

– Я не был убедителен, раз вы раскусили меня.

– О, просто я никому не верю, – сказала она задорно. – Это помогает сэкономить уйму времени.

Он вежливо улыбнулся:

– Как это мудро! Вы работаете у Гомера? – показал он на ее камеру.

– Нет, я только недавно с ним познакомилась.

– И что вы о нем думаете?

– Никогда не встречала такого влюбленного человека.

– Что очень жаль...

– Что вы имеете в виду?

– Вы же, конечно, не думаете, что невеста любит его? Для нее он – бутоньерка, дополняющая бриллианты, которыми ее осыпает. Лучшая часть ее карьеры позади, поэтому она и ухватилась за него. Мне почти жаль его.

– Но это означает, что хоть кто-то наконец унизил его, и вы должны быть благодарны невесте. Только подумайте, насколько легче вам будет повергнуть его в будущем.

Она наклонила голову набок и с каким-то отстраненным любопытством смотрела на него, словно на какой-то редкостный экземпляр. Неожиданно дрожь пронзила Лисандроса. Он не понял почему, однако...

– Я полагаю, что в этом могу обойтись и без помощи, – заметил он.

– Вот о чем я думаю, – сказала она, очевидно сильно задетая. – Вы заметили, что чужие свадьбы обнажают самое худшее в людях? Я уверена, что обычно вы не столь циничны и раздражительны, как сейчас.

Это была чистейшая дерзость, но вместо того, чтобы отделаться от нахалки, он почувствовал желание вступить с ней в спор.

– Конечно нет. Обычно я еще хуже.

– Это вряд ли возможно.

– Все, кто знает меня, сказали бы вам, что я пребываю в своем самом добром и легком расположении духа.

– Не верю. Интуиция подсказывает мне, что в душе вы мягкий человек. Люди плачут на вашем плече, дети липнут к вам, а те, у кого возникают проблемы, обращаются за помощью прежде всего к вам.

– Я не делаю ничего, чтобы так было, – горячо возразил он.

Толпа теснила их, заставляя отойти в сторону. Когда они вышли из храма, Лисандрос проговорил:

– Я удивлен, что Гомер решил соорудить подобие Парфенона.

– О, он хотел бы воссоздать оригинал, – согласилась Петра, – но между нами... – она театрално понизила голос, – оригинал не слишком отвечал его стандартам, и он решил возвести это, чтобы показать всем, как нужно строить.

Не выдержав, Лисандрос разразился смехом, и несколько человек оторопели при виде того, как этот знаменитый своей суровостью человек с удовольствием реагирует на шутку. В ответ Петра рассмеялась сама. А потом он повел ее туда, где были сервированы напитки, и поднес ей бокал шампанского, почувствовав, как хорошо хоть ненадолго расслабиться.

Столы для свадебного приема стояли на воздухе, под солнцем. Гости занимали свои места в ожидании появления молодоженов.

– Я сейчас вернусь, – сказала Петра.

– Минутку. Вы не сказали мне, кто вы. Она оглянулась со странной улыбкой:

– Разве нет? Наверное, подумала, что в этом нет необходимости. Увидимся позже. – Она отсалютовала ему бокалом и поспешно ушла.

– Ну и хитрый ты дьявол! – произнес чей-то низкий голос за его спиной.

Крупный бородатый мужчина возник перед ним, и Лисандрос с удовольствием узнал в нем старого соратника.

– Георгий! – воскликнул он. – Мне следовало догадаться, что ты будешь там, где самая лучшая еда.

– Лучшая еда, лучшее вино, лучшие женщины. Ты и сам такой же. – Он показал на удаляющуюся молодую женщину.

– Она очаровательна, – сдержанно произнес Лисандрос. Он не собирался обсуждать ее.

– О, не беспокойся. Я уйду. Я не претендую на внимание дочери Эстел Раднор.

Лисандрос напрягся:

– О чем ты?

– Я не осуждаю тебя за то, что ты хочешь узурпировать ее. Она – чистейший персик.

– Ты сказал – дочь Эстел Раднор?

– А она тебе не сказала, кем является?

– Нет, – ответил Лисандрос, поджав губы. – Не сказала.

* * *

Быстрым шагом он направился следом за ней. Как легко он попался в ловушку! Его комментарий относительно ее матери поставил его в неловкое положение. Совершенно недопустимый комментарий. Она могла бы предупредить его, но не сделала этого... Выходит, она смеялась над ним!

Лисандрос не успел догнать ее. Светловолосая женщина уже подошла к главному столу, за который должны были сесть жених и невеста. Теперь у него какое-то время не будет никаких шансов.

Распорядитель проводил его на место, тоже за главным столом, но прямо за углом, справа от нее, – достаточно близко, чтобы он мог прекрасно видеть ее, но не мог разговаривать.

Петра была поглощена разговором со своим спутником. Неожиданно она рассмеялась, откинув голову, и он невольно подумал, что нашел бы ее очаровательной, если бы... если бы был в настроении для того, чтобы быть очарованным.

Тут она подняла глаза и поймала его взгляд. Она явно знала, что ее проделка удалась, потому что в ее дерзком взгляде он прочитал: «Что? Обманули тебя?»

Он ответил ей спокойным взглядом: «Подожди. Только подожди!»

Она с нетерпением ждала. Об этом ему сказала ее улыбка, от которой у него все перевернулось внутри. Чтобы никто ничего не заметил, Лисандрос надел на лицо привычную маску раздражения.

Приветственные возгласы и аплодисменты возвестили о торжественном появлении мистера и миссис Лукас.

Разменявший седьмой десяток, Гомер Лукас был седовласым, крупным мужчиной с властными манерами. Но когда он и его невеста величаво проходили на свои места, он наклонил голову и преданно поцеловал ей руку. Она, похоже, едва не растаяла от радости, вызванной его жестом, а возможно, пятимиллионным бриллиантом на ее пальце.

Молодая женщина, подшутившая над Лисандросом, присоединилась к аплодисментам и поцеловала свою мать, когда та села. Гости приступили к еде.

Конечно, Лисандрос допустил промах – принял ее за сотрудницу Лукаса. То, что эта особа здесь как дома, должно было предупредить его. И когда она подошла, чтобы сделать снимки с близкого расстояния, оба, и жених и невеста, стали позировать ей. А потом она позировала вместе с ними какому-то профессиональному фотографу.

В этот момент появился Никатор.

– Некоторым из нас надо воссоединиться, – услышал Лисандрос его громкий голос. – Брату и сестре.

По праву брата он обнял светловолосую за талию и притянул к себе. Она не сопротивлялась, но Лисандрос заметил промелькнувшее на ее лице раздражение. Она поспешно освободилась при первой же возможности и отправила его назад к Дебре Фэрли.

Как только гости стали разбредаться, Лисандрос подошел к ней. Она ждала его с насмешливым видом.

– Думаю, что это научит меня быть осмотрительнее в следующий раз, – угрюмо произнес он.

– Вы были немного неосторожны, правда?

– А вы решили, что это была грандиозная шутка, когда вы не сказали мне, кто вы, в то время как я говорил такие вещи о вашей матери.

– Я не заставляла вас говорить их. И разве вы не понимаете шуток?

– Нет. Я не нашел в этом ничего смешного.

Она слегка нахмурилась:

– А вам бывает смешно... хоть когда-нибудь?

– Нет. Так безопасней.

Ей стало не до смеха.

– Бедняжка...

Она сказала это так искренне, что это тронуло его. Прошло так много времени с тех пор, как его последний раз пожалели. Это было в другие времена... в другом мире... давным-давно...

Невероятное подозрение закралось в его голову. Он отогнал его, и оно нехотя отступило.

– Если вы решили, что я оскорбил вашу матушку, прошу извинения, – сказал он.

– На самом деле оскорбили вы меня.

– Не вижу, каким образом.

Она взглянула ему в лицо одновременно с недоверием, возмущением, но в основном с изумлением.

– Вы действительно не понимаете? – спросила она. – Прошло столько времени, а вы все еще не... Вы действительно не поняли?.. Тогда позвольте мне сказать вам, что, когда вы встречаете какую-нибудь даму во второй раз, вежливо было бы вспомнить первый.

– Второй раз?.. Разве мы когда-то... разве мы?.. – И тут он уже не мог дольше отгонять свое подозрение. Он понял. – Это были вы, – медленно сказал он. – На той крыше... в Лас-Вегасе.

– Господи, да вы помнили обо мне!

– Но... вы изменились... совсем не тот человек.

– Надеюсь, что так, после стольких-то лет! В чем-то такая же, в чем-то нет. И вы тоже изменились, но вас легче узнать. Я очень хотела, чтобы вы узнали меня, но этого не случилось. – Она театрально вздохнула. – Какое расстройство!

– Вам было безразлично, узнаю я вас или нет, – сказал он решительно.

Оркестранты расселись по своим местам. Стали освобождать пространство для танцев, так что им пришлось отойти в сторонку.

Лисандроса охватило странное чувство, словно он попал в чуждый ему мир, где все было совсем не таким, каким казалось. Эта женщина возникла откуда-то из прошлого и оказалась на его пути, вызывая его воспоминания и... страхи.

– Даже сейчас все еще не могу поверить, что это вы, – заметил он. – У вас другие волосы... они были очень коротко подстрижены...

– Удобно, – сказала она тут же. – Я была окружена киношной публикой, которая стремилась выглядеть как можно привлекательнее, а я – как можно незаметнее, что было актом юношеского протеста. Обычно подростки становятся неуправляемыми, находят удовольствие в вине, в ночных загулах, любовниках... Но так делали все вокруг меня. На меня бы никто и внимания не обратил. Так что я стригла свои волосы как можно ужаснее, покупала дешевую одежду, штудировала школьные учебники и рано приходила домой. Господи, какая я была целомудренная! Скучная, но целомудренная!

– И что произошло? – спросил он, заинтригованный.

Она хмыкнула.

– Мую маму начало очень беспокоить мое «странное поведение». Она долго не могла понять, что я стремилась получить академические знания.

– В какой области?

– Я выбрала специальностью Древнюю Грецию. Я пишу книги, читаю лекции. Делаю вид, что знаю больше, чем на самом деле...

– Как большинство людей, – заметил он, не удержавшись.

– Как большинство, – согласилась она сразу.

– А ваша матушка, она примирилась с вашим выбором?

– О да. Теперь она находится под большим впечатлением. Однажды пришла на одну из моих лекций и потом сказала: «Дорогая, это было великолепно! Я не поняла ни слова». Это ее мерило. И в конечном итоге это я познакомила ее с Гомером. – Петра посмотрела по сторонам. – Так что можно сказать, что это я во всем виновата.

Начались танцы. Гомер и Эстел вышли на танцпол, скользя в объятиях друг друга до тех пор, пока фотографы не сделали все свои снимки.

– А вы не будете снимать? – спросил он.

– Нет, я делаю только наши, семейные снимки. А то, что происходит сейчас, – это для публики.

Никатор, танцую с Деброй, помахал ей рукой. Петра вздохнула:

– Ему уже под сорок, но он все еще несмышлениш в душе. Как он будет управлять компанией, просто не представляю... – Она виновато замолчала, прикрыв рот рукой. – Я этого не говорила.

– Не волнуйтесь. Вы не сказали ничего больше того, что уже всем и так известно. Интересно, что вы это уже поняли.

В его голосе послышалась саркастическая нотка, и ей не потребовалось спрашивать, что он имел в виду. Две крупнейшие греческие судостроительные компании находились в стадии соперничества, что включало и шпионаж.

Танец кончился, начался другой. Дебра исчезла в объятиях какого-то всемогущего продюсера, а Никатор стал прокладывать себе путь в направлении Петры.

– О господи! Потанцуйте со мной, – выдохнула она, хватая Лисандроса и вытаскивая его на танцпол.

– Что вы дел... – Но его руки уже сами собой обнимали ее.

– Да, знаю, в приличном обществе мне полагалось бы подождать, пока вы не пригласите меня, – пробормотала она, – но здесь не приличное общество, а какой-то аквариум с золотыми рыбками.

Лисандрос подумал, что лучше не скажешь, но заметил:

– Но ваши страхи могут оказаться беспочвенными. Вас, с вашим непростым характером, он, возможно, вовсе и не собирался приглашать.

– У Никки странные вкусы, – поспешно добавила она.

Петра, словно ртуть, крутилась и вертелась в его руках, и он с трудом сдерживался, чтобы не прижать ее к себе, а там будь что будет.

Но не здесь. Не сейчас. Еще не пора.

Петра довольно точно прочла его мысли и почувствовала какое-то волнение в крови.

– Вы не любите танцевать? – спросила она через какое-то время.

– Это не танцы. Это плавание в аквариуме с золотыми рыбками.

– Что правда, то правда. Но мы вызвали досаду у Никатора, а это может что-то повлечь за собой.

Она была права. Выражение лица Никатора было как у ребенка, у которого отобрали игрушку. Но Лисандрос забыл обо всем, кроме Петры. Их лица были рядом, и ее улыбающиеся глаза смотрели прямо на него.

– Что вы будете делать после всего этого? – спросил он.

– Останусь здесь на несколько дней или недель. Использую шанс провести кое-какую исследовательскую работу. У Гомера большие связи. А здесь есть музей, подвал которого никогда никому не открывали, но он постарается договориться насчет меня.

Лисандрос взглянул на изящную чувственную женщину, на ее очаровательное лицо и голубые глаза, с их загадочной, манящей глубиной, и почувствовал, как его охватывает возбуждение. Что делала такая женщина в музеях, изучая жизнь мертвых, когда все в ней говорило о жизни? Она должна принадлежать не гробницам, а солнечному свету! Ей следовало не переворачивать пыльные страницы, а ласкать лицо мужчины и прижиматься к нему своим обнаженным телом.

При мысли о ее обнаженном теле он глубоко вздохнул. Платье достаточно плотно облегло ее, чтобы он смог хорошо представить соблазнительные формы, но это еще больше искушало его. Он с трудом взял себя в руки.

– Посещение музеев действительно является в вашем представлении счастьем? – осторожно спросил он.

– Я собираюсь увидеть то, что долгие годы пытаются увидеть другие ученые. Я опережу всех.

– Но... но неужели вам не захочется увидеть что-то другое?

– Вы хотите сказать, зачем женщина забивает свою слабую головку такими вещами? Женщины созданы для удовольствия, а серьезные вещи нужно оставить мужчинам? Это вы имеете в виду?

Поскольку это было приблизительно то, о чем он действительно думал, Лисандрос попытался выпутаться. Ему не понравилось слово «удовольствие», которое употребила она.

– Я не это хотел сказать, – наконец произнес он, – но когда жизнь открывает перед вами так много широких дорог...

– Это вы о Никаторе? Да, я могла бы броситься в его объятия или сделать что-то другое, что он хотел бы от меня... Осторожно! – вскрикнула она.

– Простите, – сказал он поспешно, ослабив свои объятия после того, как инстинктивно слишком крепко сжал ее.

– О чем это я говорила? А, да! О возможностях.

– Забудьте о Никаторе! – взорвался Лисандрос. – Это не широкая дорога, а тупик.

– Я и сама уже поняла это. Мне уже не семнадцать, а тридцать два. Это старость.

Старость, с иронией подумал он, с такой персиковой кожей, шелковыми волосами и дразнящими глазами, которые так много ему обещали и предостерегали от дальнейших шагов. Но

в одном эта женщина права: она не ребенок. Она достаточно взрослая, чтобы разбираться в мужчинах.

– Если вы напрашиваетесь на комплимент, то выбрали не того мужчину, – буркнул Лисандрос.

– О, конечно. Я никогда бы не обратилась к вам в поисках нежности или чего-то другого, кроме... – она запнулась, словно осторожно подыскивая слова, – кроме чего-то такого, что вы могли бы сделать лучше, чем любой другой мужчина.

Он не смог сдержаться:

– И что же это?

– Хороший финансовый совет, – заявила она. – Ага! Вот я и сделала это!

– Сделали что?

– Заставила вас засмеяться.

– Я не смеюсь, – произнес он подрагивающими губами.

– А засмеялись бы, если бы так сильно не старались сдержаться. Я поклялась себе, что смогу заставить вас засмеяться. Окажите любезность. Позвольте мне одержать мою маленькую победу.

– Я никогда не оказываю любезности. Но эту... я вам окажу.

– Только эту? – спросила она, подняв брови.

– Я предпочитаю сам одерживать победы.

– Могу принять это как вызов на соревнование.

Они замолчали, двигаясь под музыку, и Петра подумала о том, как не похож он был на других, беззаботных мужчин, с которыми она в основном проводила свою жизнь.

– Вас привлекают соревнования? – спросил он.

– О да, – уверенно ответила она. – Я всегда стараюсь поступить по-своему.

– Я такой же. Какая ужасная битва ждет нас впереди.

– Точно, – сказала она. – Дрожу от страха перед вами.

Он ничего не сказал, только слабо улыбнулся.

У Петры появилось странное чувство, что другие женщины на танцполе пристально смотрят на нее. Большинство из них переспали с Лисандросом, как предупреждали ее, и Петра неожиданно поняла, что это правда. Их глаза лихорадочно горели, взгляды были полны воспоминаний, горячих, сладких и прекрасных... и тоскливых. Они мысленно раздевали ее, пытались определить, в его ли она вкусе.

И это выводило ее из себя, потому что она пыталась понять то же самое.

Среди всех была одна женщина, жадный взгляд которой привлек ее особое внимание. Что-то в этой экстравагантно одетой наглой особе заставило Петру подумать, что она была самым недавним завоеванием Лисандроса... И была отвергнута им. Взгляд этой дамы, в тысячу раз более горький, чем у других, упорно останавливался на Лисандросе.

– Боюсь, что мне пора уходить, – сказал Лисандрос. – Я слишком долго пренебрегал своими важными делами. Мне было очень приятно снова встретить вас.

– И мне вас, – сухо произнесла Петра.

Он вежливо поклонился и через минуту ушел.

* * *

Она смотрела ему вслед, с трудом веря тому, что случилось, и случилось так неожиданно. Он был так же глубоко охвачен желанием, как и она сама. Петра несколько в этом не сомневалась. И однако, он преодолел это желание.

– Не переживайте. Просто наберитесь терпения.

Подняв глаза, Петра увидела ту самую женщину, которая привлекла ее внимание во время танцев. Теперь она вспомнила, что видела, как она прибыла на эту свадьбу с одним из богатейших и влиятельнейших мужчин. Она смотрела на Петру со смесью презрения и жалости.

– Я не могла отвести взгляд от вас... и Лисандроса, – сказала дама, подходя ближе. – Он всегда так делает. Подходит слишком близко, а потом отходит, чтобы все обдумать. Если он решит, что вы соответствуете всем его ожиданиям, тогда он возвратится и насладится вами, но в удобное для него время и на его условиях.

– Если я соглашусь, – с трудом выдавила Петра.

Женщина холодно засмеялась:

– Не говорите глупостей. Конечно согласитесь! Все написано на вашем лице. Если бы он вернулся прямо сейчас, вы бы согласились.

– Я думаю, что вы хорошо знаете, о чем говорите, – тихо сказала Петра.

– О да. Знаю. По личному опыту. Я знаю, что происходит в вашей голове, потому что знаю, что происходило в моей: «Кто он такой, чтобы думать, что стоит ему вернуться и я подчинюсь его команде?» Но он посмотрит на вас, словно вы для него – единственная женщина в мире, и вы подчинитесь его команде. И это будет прекрасно... на какое-то время. В его объятиях, в его постели вы откроете для себя мир, о существовании которого никогда и не подозревали. Но в один прекрасный день проснетесь и снова окажетесь на земле. Вы ощутите холод, потому что он ушел. Он покончил с вами. Вы больше не существуете. Вы зарыдаете, не в силах поверить в это, но он не будет отвечать на телефонные звонки, так что через какое-то время вам придется поверить в это. – Она повернулась, чтобы уйти, и бросила через плечо: – Вы думаете, что у вас будет по-другому? Но с Лисандросом по-другому ни у кого быть не может.

Глава 3

Наступил вечер, а празднество все продолжалось. «Парфенон» засиял огнями, звуки музыки устремились в небо. Петра пошла вместе с Эстел в дом, чтобы помочь той переодеться.

Медовый месяц должен был проходить на борту яхты Гомера «Силвер леди», подновленной для этого случая и вставшей недавно на якорь в порту Пирея, милях в пяти от виллы. Два автомобиля с багажом и обслуживающим персоналом уже уехали туда. Остался только лимузин, чтобы отвезти жениха и невесту.

– У тебя все хорошо? – спросила Эстел, взглянув на дочь.

– Конечно, – бодро ответила Петра.

– И тем не менее ты выглядишь так, как будто что-то тебя тяготит.

Петра действительно размышляла над словами незнакомки: «Если он решит, что вы соответствуете всем его ожиданиям, тогда он вернется и насладится вами, но в удобное для него время и на его условиях».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.